

Российский зерновой экспорт: не повторять ошибок прошлого

Р.Р. ГУМЕРОВ, кандидат экономических наук, Институт макроэкономических исследований, Москва. E-mail: gumerovrr@mail.ru

В статье рассматривается феномен российского зернового экспорта. Критически проанализирован опыт экспорта зерна в царской России, на который ссылаются современные исследователи. Главный тезис статьи – вывоз зерна в современных объемах осуществляется в ущерб отечественному животноводству, внутреннему продовольственному рынку и национальной экономике в целом. Предлагается повысить эффективность государственного регулирования и контроля зернового рынка, в том числе за счет формирования централизованных фондов зерна.

Ключевые слова: зерновой экспорт, продовольственная безопасность, структурный кризис, потребление продовольствия

В интервью телепрограмме «Вести» (2 июля 2016 г.) премьер-министр Д. Медведев в очередной раз проинформировал страну об успехах отечественного сельского хозяйства: «Мы смогли развить сельское хозяйство до такого уровня, что мы сами себя кормим. И не только кормим, но мы ещё и поставляем зерно и целый ряд других продуктов на экспорт. Почему я об этом говорю – наверное, не все это помнят и знают, но Советский Союз зерно закупал в огромных количествах. Нам иногда наши политические оппоненты говорят: вот какое было сельское хозяйство в советский период! Да какое было сельское хозяйство?! Еды не было» [1].

Сейчас «еда», действительно, есть, но далеко не у всех. В статье автора, опубликованной в майском номере журнала «ЭКО» за 2016 г., на официальных данных Росстата было проанализировано современное состояние продовольственного рынка и сформулирована основная угроза национальной продовольственной безопасности – недопустимое расслоение российского населения по уровню потребления продовольствия, когда наличие «еды» у одних групп населения сочетается с недоеданием других групп [2]. Хотя нынешние уровни производства отечественной сельхозпродукции и потребления основных продуктов питания

все еще ниже уровня 1989–1990 гг., иллюзия продовольственного изобилия и «полных прилавков» поддерживается высокими ценами на продукты питания и низким платежеспособным спросом значительной массы населения.

Не так все просто и с утверждением о том, что мы сами себя кормим и даже экспортируем определенную часть производимой сельскохозяйственной продукции. К примеру, на официальном уровне признается, что Россия на 70–90% зависит от импорта по некоторым видам семян, и на их закупку расходуется до миллиарда долларов ежегодно. Министр сельского хозяйства А. Ткачев заявил по этому поводу в эфире телеканала НТВ: «Мы прекрасно понимаем: это не просто семена, это не просто деньги, вывезенные из страны на покупку семян, а это продовольственная безопасность. То есть если нам перекроют этот кислород, то мы останемся без семян, а значит, без сахара, без хлеба» [3].

Похожая картина складывается и в отношении некоторых других производственных ресурсов для сельского хозяйства. Недавний марш кубанских фермеров «на Москву» показал, что и в сфере социально-экономических отношений на селе не все в порядке. Отнюдь не оспаривая возможностей отечественного сельского хозяйства и, более того, всячески поддерживая необходимость его государственной поддержки, хотелось бы предостеречь от чрезмерно оптимистических оценок. Необходимо решить массу накопившихся структурных проблем. Данная статья посвящена одной из них – современному экспорту российского зерна, который оброс многочисленными мифами.

Ретроспекция

В начале 2000-х годов после долгого перерыва Россия восстановила свой статус одного из крупнейших мировых экспортеров зерна. По данным Федеральной таможенной службы, экспорт зерна за 2015–2016 сельскохозяйственный год (с июля 2015 г. по июнь 2016 г.) составил 33,9 млн т (из них 24,6 млн т пшеницы) против 30,7 млн т за предыдущий период [4].

Для обоснования целесообразности наращивания экспорта российского зерна используется в том числе тезис о якобы исторической предрасположенности России к вывозу «излишков» сельскохозяйственной продукции. Действительно,

дореволюционная Россия была лидером мирового экспорта ржи и ячменя, меньшую, но заметную роль она играла в качестве поставщика пшеницы и овса. Зерновой экспорт достигал максимума в 1909–1913 гг., когда в среднегодовом исчислении он составлял 11,9 млн т (в том числе 4,2 млн т пшеницы и 3,7 млн т ячменя).

Но можно ли строить современную экспортную политику, отталкиваясь исключительно от исторической традиции¹ и продолжая наращивать свой «экспортный потенциал» вывозом, скажем, пеньки, сырой древесины, пушнины и воска, составляющих якобы конкурентное преимущество национальной экономики, и отказываться на этом основании от развития передовых отраслей? Прямые параллели и апелляции к доминирующему положению царской России на мировом и европейском зерновых рынках абсолютно неуместны хотя бы из-за произошедших системных трансформаций в структуре общественного производства и спроса.

Кроме того, зерновой экспорт дореволюционной России отнюдь не являлся следствием высокой конкурентоспособности и эффективности зернового производства. Среднегодовая урожайность основных зерновых культур в период 1909–1913 гг. была заметно ниже соответствующих показателей ведущих зарубежных стран, что в первую очередь было обусловлено низким уровнем агрикультуры. Так, урожайность пшеницы составляла всего лишь 7,2 ц/га в европейской части России и 6,0 ц/га – в азиатской (21,4 ц/га – в Германии, 23,5 ц/га – в Голландии, 13,3 ц/га – в Канаде); урожайность ржи – 9,3 ц/га в европейской части России и 6,2 ц/га – в азиатской (18,2 ц/га – в Германии, 18,1 ц/га – в Голландии, 11,2 ц/га – в Канаде) [6. С. 256, 258, 261].

Экспортоориентированная модель зернового хозяйства царской России сформировалась в конце XIX в. в рамках так называемой «вывозной политики», активным проводником которой

¹ Норвежский экономист Э. Райнерт в своем известном труде «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными» использовал следующую интересную метафору: «Если племя, живущее через реку, сделало шаг в развитии от каменного к бронзовому веку, то ваше собственное племя стоит перед выбором: придерживаться своего сравнительного преимущества в каменном веке либо попытаться эмулировать соседнее племя и вырасти вслед за ним до уровня бронзового века» [5. С. 24–25].

являлся тогдашний министр финансов И. Вышнеградский. При нем благодаря снижению экспортных пошлин на зерно, введению пониженных вывозных железнодорожных тарифов экспорт российского зерна вырос вдвое. Экспорт зерна рассматривался в качестве основного инструмента поддержания торгового баланса и внутреннего денежного обращения.

«Вывозная политика» в отношении российского зерна формировала, с одной стороны, монокультурную направленность развития сельского хозяйства, с другой – макроэкономическую зависимость всей российской экономики от колебаний валовых сборов зерновых. Вот как оценивалась макроэкономическая ситуация в российской империи накануне первой мировой войны в «Докладной записке Совета Съездов Представителей Промышленности и Торговли о мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса», представленной Правительству 12 июля 1914 г.: «... Обнаружилось, что не только в промышленной области, но и в производстве сырья, поставщиком которого является, главным образом, сельское хозяйство, наблюдается недостаток, и ввоз хлопка, шерсти, сала, шелка и других продуктов растет в громадной прогрессии. С достаточной полнотой выяснилось, что только в годы высоких урожаев и высоких цен на хлеб, главный продукт нашего вывоза, страна обеспечена торговым балансом в нашу пользу, что при наличии громадной заграничной задолженности является необходимым условием устойчивости денежного обращения».

И далее: «За последний год было три месяца, когда баланс наш являлся отрицательным... Конечно, возможно и даже, быть может, вероятно, что осенний вывоз хлебов покроет минусы первых месяцев года; однако чрезвычайная неустойчивость наших урожаев не позволяет дать вполне успокоительный ответ. Как было показано в докладе последнему VIII съезду Представителей Промышленности и Торговли, урожаем хлебов и технических культур дает картину постоянных колебаний вверх и вниз, совершенно неизвестных в других странах. И нынешний год, идущий за двумя в общем благоприятными сельскохозяйственными годами, уже начинает внушать некоторые опасения: повсеместные почти засухи могут лишить Россию главного источника ее покрытий на международном рынке – ее хлеба» [7].

Таким образом, тогдашнюю ситуацию с вывозом российского зерна вполне можно сравнить с нынешним экспортом углеводородов, на котором выстраивается практически вся современная бюджетная политика (других идей в этой сфере, кроме «бюджетного правила» и урезания бюджетных расходов, как мы видим, у нынешнего правительства нет).

Именно И. Вышнеградскому (оценивая проводимую им политику) современники приписывали лозунг «Не доедим, а вывезем!». Однобокая аграрная политика стимулировала вывоз не только излишков хлеба, но и части необходимых внутренних запасов, что особенно сказывалось в неурожайные годы. Суть вывозной политики вполне можно было бы охарактеризовать известными строками из «Истории одного города» М. Салтыкова-Щедрина: «... железные дороги не успевают перевозить дары земные, на продажу назначенные, жители же от бескормицы в отощание приходят».

По имеющимся данным, во время неурожая 1891–1892 гг. в стране голодало 30 млн чел., в 1897–1898 гг. – 27 млн, в последний «царский» неурожай 1911 г. – более 20 млн чел. [8]

Незадолго до голода 1891–1892 гг. будущий министр земледелия А.С. Ермолов писал: «...Россия вывозит около 1/2 своего чистого сбора пшеницы. Америка же только около 1/3; за вычетом вывоза в Америке остается около 10 пудов пшеницы на душу населения, а в России едва 3 пуда... Россия напрягает в отношении пшеницы свою вывозную способность гораздо более, чем Соединенные Штаты; потребность американского населения в пшенице, можно сказать, с избытком удовлетворена, между тем как у нас самое потребление пшеницы составляет еще в огромном большинстве случаев роскошь для населения...». Необходимо «...стремиться к тому, чтобы нашей в избытке производимой пшеницей кормить по дешевой цене не иностранцев, но наше собственное население, с тем чтобы впоследствии быть в состоянии бороться с Америкой и другими производительными странами уже при условиях более равных» [9. С. 120].

Вот еще одно свидетельство современника-землевладельца М. Набокова, которое встречается в Трудах Саратовского Общества сельского хозяйства: «Постановка же нашей хлебной торговли в том виде, как она есть, это не рубка, а корчевание леса, чтобы он больше не разрастался. Теперь мы продаем хлеб

с корнем, как бы желая искоренить земледелие в нашей стране... Всем этим воспользовались за последние 9 лет немцы, отняв у нас дешевые хлебные корма, выкармливая на наших хлебах всевозможные культурные породы скота и сбывая его нам же, за баснословно дорогие цены, в виде производителей. Мы должны, при громадности площади нашего посева и громадном производстве зерна, снабжать их этим скотом и убойным мясом, а не они нас». Он же писал о пагубном влиянии вывоза зерна на состояние отечественного животноводства: «При опросе переселяющихся в Сибирь крестьян о причинах, побуждающих их к такому переселению, громадный % ответов был тот, что они идут на переселение для приискания таких мест, чтобы было приволье скоту, чтобы с хлебопашеством вести рядом скотоводство, без которого на одном хлебе они оскудели и голодают, т. е. живут впроголодь» [10. С. 131–140].

Вывоз зерна продолжался и в СССР вплоть до конца 1950-х годов прошлого столетия. Отказ от его экспорта в больших объемах и последующее наращивание импорта были обусловлены системными изменениями в структуре общественного спроса на продовольствие, в некоторых аспектах напоминающими по своему характеру современные структурные сдвиги на мировом продовольственном рынке в связи с устойчивым экономическим ростом и урбанизацией в Индии и Китае.

В тот период произошли серьезные изменения в методах реализации политики повышения реальных доходов населения. Если в конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. главным путем повышения доходов населения было периодическое снижение государственных розничных цен при незначительном повышении средней заработной платы и неизменном уровне пенсий, то с середины 1950-х гг. акцент был смещен в сторону подтягивания уровня оплаты труда малооплачиваемых групп населения и повышения пенсий при стабильном в целом уровне государственных розничных цен. За счет этого население СССР стало предъявлять более высокий спрос на продукты животноводства, что, в свою очередь, потребовало соответствующих сдвигов в структуре сельскохозяйственного производства.

Начиная с 1960-х гг. в стране высокими темпами стало расти поголовье скота (за исключением поголовья овец и коз, которое

несколько сократилось, как представляется, в результате изменения структуры спроса на мясо и мясопродукты) (табл. 1).

Таблица 1. Поголовье скота в СССР и Российской Федерации в 1961 г., 1991 г.

Регион	1961	1991
<i>Крупный рогатый скот</i>		
СССР	75,8	115,7
РСФСР	38,2	57,0
<i>В том числе коровы</i>		
СССР	34,8	41,5
РСФСР	18,0	20,5
<i>Свиньи</i>		
СССР	58,7	75,6
РСФСР	29,4	38,3

Источники: [11. С. 370–371; 12. С. 498, 499].

Достаточно высокие темпы в этот период наблюдались и в производстве зерна. Среднегодовые валовые сборы зерна в СССР выросли с 121,5 млн т в 1956–1960 гг. до 196,6 млн т в 1986–1990 гг., в том числе в РСФСР – с 70,2 млн т до 104,3 млн т. В результате производство мяса в стране возросло за период 1960–1990 гг. с 8,7 млн т (в убойном весе) до 20,1 млн т, в том числе в РСФСР – с 4,5 млн т до 10,1 млн т, молока – с 61,7 млн т до 108,4 млн т, в том числе в РСФСР – с 34,5 млн т до 55,7 млн т. В 1991 г. потребление мяса и мясопродуктов на душу населения в России достигало 75 кг – показатель, превышающий недавно утвержденные нормы рационального питания и не достигнутый до настоящего времени.

Тем не менее по темпам спрос на животноводческую продукцию опережал ее предложение, и в 1962 г. была предпринята беспрецедентная по тем временам акция: одновременно с закупочными ценами пришлось существенно (в среднем на 30%) повысить государственные розничные цены на мясо, сливочное масло и молоко. Очевидно, что такие акции не могли проводиться периодически как вследствие политически утверждаемого принципа стабильности розничных цен на продукты питания, так и в свете последовавших за этим решением трагических событий в Новочеркасске. Основным источником обеспечения платежеспособного спроса на животноводческую продукцию

по-прежнему являлся, таким образом, рост ее производства при соответствующем наращивании кормовой базы животноводства.

Свидетельством высокой зависимости отечественного животноводства от предложения зерна в те годы может служить падение производства мяса, яиц, шерсти в 1964 г., следующим за неурожайным 1963 г., когда в результате засухи валовой сбор зерна сократился почти на 25% в сравнении с предыдущим годом. Именно по этой причине в 1963 г. впервые были произведены масштабные закупки зерна за рубежом в объеме 9,4 млн т². В связи с этим тогдашний руководитель советского государства Н. С. Хрущев на декабрьском 1963 г. пленуме ЦК КПСС заявил: «Нашлись, оказывается, и такие люди, которые рассуждали: как же так, раньше при меньших валовых сборах зерна мы сами продавали хлеб, а теперь покупаем. Что можно сказать таким людям? Если в обеспечении населения хлебом действовать методом Сталина – Молотова, то тогда и в нынешнем году можно бы продавать хлеб за границу. Метод был такой: хлеб за границу продавали, а в некоторых районах люди из-за отсутствия хлеба пухли с голоду и даже умирали» [12. С. 9].

Таким образом, импорт зерна изначально был вызван отнюдь не кризисом зернового производства, а структурной перестройкой модели потребления населения. Вероятно, в этом контексте масштабный зерновой импорт был не самым рациональным и эффективным способом обеспечения сбалансированности развития отечественного животноводства и его кормовой базы. Но то же самое можно сказать и в отношении нынешней «вывозной зерновой модели», когда дефицит продукции собственного животноводства компенсируется ее импортом.

Истоки современного экспорта

Современный экспорт зерна стал возможным не за счет роста его производства, а в результате стихийного структурного разворота отечественного сельского хозяйства. Россия

² Существует мнение, что первые закупки зерна имели и внешнеполитический подтекст, поскольку использовались для оказания продовольственной помощи Кубе. Советское правительство вполне резонно считало в тот момент, что закупки зерна за океаном позволят сэкономить финансовые средства, которые в ином случае потребовались бы для транспортировки российского зерна на Кубу.

превратилась из крупнейшего мирового импортера зерна в одного из крупнейших его экспортеров, несмотря на то, что современные валовые сборы зерна ниже дореформенных объемов (табл. 2). *Материальной основой современного российского зернового экспорта стало начавшееся после 1990 г. сокращение поголовья скота.* Реформирование отечественного агропромышленного производства по стандартным либеральным рецептам подавило платежеспособный спрос отечественного животноводства на фуражное зерно, в результате чего хозяйства вынуждены были сокращать поголовье скота, что, в свою очередь, снижало спрос на фуражное зерно.

Таблица 2. **Динамика среднегодового валового сбора зерна в 1986–2015 гг., млн т (вес после подработки)**

Среднегодовой валовой сбор	1986–1990	1996–2000	2006–2010	2011–2015
Зерно	104,3	65,1	85,2	93,5
В том числе пшеница	43,5	34,3	52,3	53,5

Источник: [15. С. 420].

Возьмем для сравнения два года с практически равными объемами производства зерна: 1980 г. (валовой сбор – 97,2 млн т) и 2009 г. (97,1 млн т). Если в 1980 г. на кормовые цели было использовано 56,5 млн т, то в 2009 г. – лишь 40,3 млн т (более 58% и 41,5% годового валового сбора соответственно). В 1990 г. – фактически последнем предреформенном – на фуражные цели было использовано 74,9 млн т, в 2010 г. потребление зерна на кормовые цели (включая использование на выработку комбикормов) уменьшилось по сравнению с 1990 г. более чем вдвое – до 36,1 млн т [14.С. 435]³. Причем, как показывает простейший анализ, объем зерна, идущего непосредственно на корм скоту и птице, сократился весьма незначительно, а объем его использования для производства комбикормов резко снизился. Если сравнивать, к примеру, 2010 г. и 1990 г., то объем непосредственно потребляемого фуражного зерна сократился

³ С 2010 г. Росстат перешел на новую методологию учета использования зерна. До 2010 г. учитывались общие объемы зерна, используемого на фуражные цели, в том числе на выработку комбикормов, а с 2011 г. переработка зерна на комбикорма учитывается в составе общих объемов перерабатываемого зерна без разбивки на комбикорма, муку, крупу и другие цели.

с 13,5 млн до 10,3 млн т, а объем его промышленной переработки в комбикорма – с 61,4 млн т до 25,8 млн т.

Структурный кризис сформировал порочный круг, который невозможно разорвать рыночными механизмами. К тому же политика «открытых дверей» 1990-х гг. способствовала росту импорта дешевого мяса и мясопродуктов, в том числе не находящихся сбыта в странах-производителях по причине их низкого качества. В результате совместного воздействия этих факторов спрос на зерно со стороны отечественного животноводства резко упал. В период с ноября 1990 г. по 2002 г. (начальный год масштабного устойчивого зернового экспорта) поголовье крупного рогатого скота сократилось с 57,0 до 26,8 млн голов, в том числе коров – с 20,6 до 11,9 млн голов, ежегодное снижение поголовья крупного рогатого скота продолжается до настоящего времени: на конец 2015 г. поголовье КРС составляло 19,0 млн голов. Поголовье свиней за названный период сократилось с 38,3 млн до 17,6 млн голов. В 2002 г. объем производства продукции животноводства составлял лишь 53,6% от уровня 1990 г., в стране было произведено 4,7 млн т мяса на убой (в убойном весе) и 33,5 млн т молока, или 46,5 и 60,1% от уровня 1989–1990 гг.

Легче всего следовать известному принципу: «Не можешь одолеть неразбериху, возглавь ее!» Очевидно, что современный российский зерновой экспорт сформировался как мера вынужденная, способствующая выживанию растениеводства в условиях системного кризиса отечественного сельского хозяйства. Однако позднее идея экспорта зерна приобрела самодовлеющее значение как некий символ национального «престижа» и «интеграции» российской экономики в систему мирохозяйственных связей. Такая подмена сути проблемы ее внешним проявлением произошла ввиду неспособности или нежелания отечественного Минсельхоза скорректировать зерновые потоки в интересах собственного производства и внутреннего продовольственного рынка. Исполнительная власть лишь «подхватила» стихийно-кризисный структурный разворот в пользу более приспособленных к самовосстановлению отраслей растениеводства, отказалась от активной политики обеспечения сбалансированного развития сельского хозяйства и даже оказала поддержку формированию канала экспорта российского зерна.

Для модели СССР вплоть до 1990-х годов были характерны импорт зерна и производство собственной животноводческой продукции с привлечением ввозимых зерновых ресурсов. Для современной модели характерен экспорт зерна и импорт мяса и мясопродуктов. Нынешняя модель признается либеральными экономистами более эффективной, поскольку основана на использовании относительных конкурентных преимуществ российского зернового хозяйства. Действительно, отечественное животноводство менее эффективно по сравнению с развитыми в аграрном отношении странами по продуктивности, конвертации (окупаемости) кормов и других ресурсов. Однако в данном случае необходимо, как это принято в мировой практике, рассмотреть и оценить все общественные эффекты от развития отечественного животноводства, включая экстерналии, как позитивные, так и негативные.

Показательно мнение относительно российского зернового экспорта одного из идеологов шоковой терапии Е.Г. Ясина. Оповестив общественность о том, что он является (на момент написания цитируемого сообщения) одним из руководителей группы «Новая модель экономического роста» по подготовке стратегии социально-экономического развития страны до 2020 г.⁴, он далее излагает некоторые черты этой модели: «Пора также определиться и с тем, что наша экономика может предложить, как я уже сказал, сначала в дополнение, а потом и взамен нефти и газа. Мой ответ – это, в частности, может быть сельскохозяйственная продукция... наши сельхозпродукты, прежде всего зерно, вполне могут стать альтернативой нефти и газу» [16]. То есть одну «сырьевую иглу» нам предлагают заменить другой. При этом мировой рынок зерна также не отличается устойчивостью, в последние годы мировые цены на зерно имеют тенденцию к снижению: в 2013 г. индекс цен на зерновые ФАО (2002–2004 гг. = 100) составлял 219, в 2014 г. – 192, в 2015 г. – 162 пункта. За январь–май 2016 г. он упал до 149 пунктов. По пшенице, на которую приходится основная доля российского зернового экспорта, снижение было еще более выраженным: ин-

⁴ Судьба щедро профинансированной «Стратегии-2020» печальна. Несовместимые с жизнью рецепты «реформирования и развития» отечественной экономики, изложенные на почти 900 страницах, были в конечном счете проигнорированы заказчиком и общественностью.

декс ФАО составлял 194, 181, 144 и 127 пунктов соответственно [17. С. 1–2]. Так что замена углеводов на зерно не снимает проблемы волатильности доходов российских производителей, ориентированных на экспорт.

Помимо всего прочего, как уже указывалось, экспортируя зерно, Россия теряет большие потенциальные доходы, которые могли бы быть получены в результате его переработки и экспорта продукции с более высокой добавленной стоимостью. Внутренний рынок начинает подстраиваться не под внутренние потребности, а под запросы и сигналы внешнего рынка – как в отношении импорта, так и экспорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия. Когда в конце 2015 г. на горизонте замаячил очередной неурожай и наметилась тенденция к росту внутренних цен на зерно, вице-премьер Правительства РФ, курирующий в том числе и развитие сельского хозяйства, заявил о нецелесообразности ограничения зернового экспорта, поскольку такие ограничения, мол, ведут к дополнительному росту мировых цен. Получается, что возможный рост внутренних цен как следствие дефицита зерна – теперь уже фактор как бы вторичный.

Зерновой экспорт в его нынешнем гипертрофированном виде нарушает естественное структурное единство отечественного АПК, сдерживает развитие отечественного животноводства, негативно влияет на структуру потребления населения. Взять хотя бы элементарные потребности растениеводства, в том числе и самого зернового производства, в органических удобрениях, для обеспечения которых необходимо иметь минимально достаточное поголовье крупного рогатого скота. В настоящее время среднегодовой дефицит гумуса в пахотном слое, если верить Федеральной целевой программе «Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов как национального достояния России на 2006–2010 годы и на период до 2013 года», в среднем по Российской Федерации составляет 0,52 т/га. Вносимые дозы удобрений не компенсируют потерю питательных веществ почв, выносимых с урожаем и растительными остатками.

Животноводство, в отличие от растениеводства, обеспечивает круглогодичную занятость и более стабильный доход, индуцирует создание новых рабочих мест. По имеющимся оценкам, каждое новое рабочее место в животноводстве стимулирует создание

от шести до восьми рабочих мест в других отраслях промышленности и сельского хозяйства, а следовательно, и дополнительный спрос на животноводческую продукцию [18]. Ограничивая рост числа рабочих мест в животноводстве, мы ограничиваем увеличение доходов собственного населения и платежеспособный спрос на продовольствие.

Наконец, опыт введения продовольственных контрсанкций показал, что риски импорта животноводческой продукции, прежде всего, ценовые, достаточно велики.

Что делать?

В производстве мяса крупного рогатого скота (КРС) после резкого падения поголовья делаются попытки сместить акценты, перейти к новой модели развития. Приоритетным направлением объявлено развитие специализированного мясного скотоводства на практически заново сформированной племенной базе за счет привлечения лучших зарубежных и отечественных племенных ресурсов. Аргументов в пользу нового вектора развития достаточно – опыт зарубежных стран, высокое качество мяса, относительно низкий удельный расход кормов. Однако Россия имеет богатые традиции выращивания скота молочных и комбинированных пород, и как бы нам не выплеснуть вместе с водой и ребенка. На конец 2014 г. поголовье КРС мясных и помесных пород достигло около 2,4 млн голов (12,4% от общего), производство мяса КРС данных пород в 2014 г. составило 256,9 тыс. т (в живой массе), или менее 9% от общих объемов производства мяса крупного рогатого скота, так что в обозримой перспективе ожидать революционных результатов от нововведений не приходится.

Ориентация на улучшение породного состава никоим образом не снимает застарелых проблем, связанных с неудовлетворительным состоянием кормовой базы и низкой конвертацией кормов в животноводческую продукцию. Наивно полагать, что развитие мясного скотоводства автоматически снимет проблему кормовой базы. Согласно современным представлениям, продуктивность крупного рогатого скота на 65% зависит от условий кормления, на 25% – от условий содержания (микроклимат в помещениях, освещенность, наличие вредных газов и т. д.) и только на 10% обусловлена генетически [19]. Существуют и определенные

проблемы с адаптацией завозимого скота мясных пород к российским условиям.

Безусловно, не стоит доводить ситуацию до абсурда: нет нужды восстанавливать поголовье скота до дореформенного уровня, сохраняя при этом невысокую степень конвертации зерновых ресурсов в животноводческую продукцию. Однако точно так же нельзя рассчитывать лишь на повышение продуктивности скота за счет улучшения его породного состава, решение проблемы должно быть комплексным, сочетающим возможности различных факторов роста.

Как стимулировать и восстановить внутренний спрос на фуражное зерно? Необходима корректировка зернового баланса в рамках обеспечения стратегического государственного контроля развития национального зернового рынка. Все решения в этой области должны быть прежде всего ориентированы на межотраслевые проблемы. Следует стимулировать структурные сдвиги в посевах зерновых культур в пользу ярового ячменя, овса, проса, кукурузы, зернобобовых; оказать дополнительную поддержку комбикормовой промышленности. В качестве временной меры целесообразно создание целевых федерального и региональных фондов фуражного зерна. Необходимо усилить роль Объединенной зерновой компании в регулировании экспорта зерна. Эта структура создавалась в соответствии с Указом Президента РФ специально для проведения экспортных операций с зерном, но занимает лишь седьмое место по объемам зернового экспорта после известных транснациональных корпораций (Glencore, LouisDreyfus, Cargill и др.). Думается, эти меры создадут минимально необходимые предпосылки для сбалансированного и динамичного развития российского зернового рынка, гармонизированного с развитием отечественного животноводства. Предметом дискуссии могут быть *мера и формы поддержки* производства фуражного зерна, но сам принцип такой поддержки сомнению не подлежит.

Литература

1. Медведев: Россия может сама себя прокормить. URL: <https://ria.ru/economy/20160702/1456275066.html> (дата обращения: 25.08.2016).
2. Гумеров Р. Продовольственная безопасность России: проблемы и угрозы // ЭКО. – 2016. – № 5. – С. 71–88.

3. Александр Ткачев рассказал об «ахиллесовой пяте» сельского хозяйства. URL: http://www.dp.ru/a/2016/03/06/Aleksandr_Tkachev_rasskaza/ (дата обращения: 24.08.2016).
4. Орехин П., Платонова Е. Урожай не в кассу. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/07/08/8382539.shtml> (дата обращения: 25.08.2016).
5. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. – М.: Издательский дом ГУ – ВШЭ, 2011.
6. Мировое хозяйство. Сборник стат. материалов за 1913–1927 гг. – М.: ЦСУ СССР.
7. История России 1913 год. Статистико-документальный справочник. – С.-Пб., 1995. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Stat/intro.php (дата обращения: 02.02.2016).
8. Круглов В. Царь-Голод? Тема голодовок в Российской империи (1890–1910-е гг.). URL: <http://www.apn.ru/publications/article21910.htm> (дата обращения: 02.02.2016).
9. Ермолов А. С. Россия и её соперники на международном хлебном рынке // Избранные труды. – М.: Колос, 1995.
10. Набоков М. Злоба дня для крестьянина и земледельца/ Труды Саратовского Общества Сельского хозяйства. Вып. 1905 г. (орфография автора сохранена).
11. Народное хозяйство СССР в 1969 году. Стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1970.
12. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Стат. ежегодник. – М.: Финансы и статистика, 1991 г.
13. Пленум ЦК КПСС 9–13 декабря 1963 г. Стенограф. отчет. – М., 1964.
14. Российский стат. ежегодник. 2011 г. – М.: Росстат, 2011.
15. Российская Федерация в 1992 г. Стат. ежегодник. Госкомстат России. – М., 1993. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx_val_1.xls (дата обращения: 27.08.2016).
16. Ясин Е. Россия может жить на доходы от экспорта зерна // Общероссийский портал «Индустрия питания». URL: <http://inpit.ru/analysis/d730/> (дата обращения: 26.08.2016).
17. Food Outlook. Biannual Report On Global Food Markets // FAO. – June 2015.
18. Емельянов В. Первые итоги вступления России в ВТО. URL: http://radiovesti.ru/article/show/article_id/75818 (дата обращения: 02.01.2016).
19. Кормление и содержание крупного рогатого скота. URL: <http://my-farmer.ru/feeding-and-the-horned-cattle-maintenance.html> (дата обращения: 28.01.2016).